

Синь Линьхуа очнулся после того, как Гу Чжису уколол его иглой, и почувствовал, что всё его тело пылает жаром. На нём лежал тяжёлый мужчина, и они совершали то, о чём стыдно говорить. В тот момент он словно был околдован, сознание затуманилось, и он даже не пытался оттолкнуть мужчину. Теперь, вспоминая это, он понимал, что во всём происходящем сквозило нечто зловещее. Синь Линьхуа не хотел смириться с такой несправедливостью. Опустив голову и сдерживая боль, он сквозь зубы произнёс:

— Брат-император, это дело я могу объяснить...

— Я не буду слушать твои объяснения! — в гневе воскликнул император, взмахнув рукавом, собираясь уйти. Его лицо, ранее багровое, постепенно вернулось к нормальному цвету. Он повернулся и направился к задним покоям. — Всё уже решено. Ты опозорил императорскую семью. Иди и размышляй о своём поведении в уединении!

Синь Линьхуа, видя, что император уходит, понимал: если тот уйдёт сейчас, всё будет окончательно решено. Вспомнив, как он пришёл в себя и увидел Герцога Чжуньи, который смотрел на него с нескрываемым ужасом, словно готов был искупить вину собственной жизнью, а император лишь отчитал его и приказал размышлять в уединении, он понял, что император хочет замять это дело. Его страдания окажутся напрасными.

Хотя он и не желал предавать огласке произошедшее, и не хотел, чтобы Герцог Чжуньи, который был так важен для императора и обладал выдающимся полководческим талантом, испытывал к нему неприязнь, он был вынужден подавить в себе унижение. Он даже сохранял спокойное выражение лица перед тем, кто его оскорбил, но в глубине души не был равнодушен. Увидев же, что император не придаёт этому значения, он резко изменился в лице и громко возразил:

— Брат-император, меня действительно подставили, я не...

Но прежде чем он закончил, фигура императора уже исчезла. Синь Линьхуа стоял на коленях, охваченный холодом, и не мог пошевелиться. Лишь когда рядом возникла чья-то тень и человек осторожно помог ему подняться, он, сдерживая боль, посмотрел на того с мрачным выражением.

— Мерзавец!

Едва увидев лицо чёрного охранника, Синь Линьхуа невольно вспомнил всё произошедшее. В его глазах вспыхнула ярость, и, не обращая внимания на то, что он находится во дворце, он громко закричал:

— Ты видел, как Герцог Чжуньи и я... Почему ты не остановил его?!

Чёрный охранник, увидев его ярость, отпустил его руку и опустил на колени, опустив лицо так, что выражение его было неразличимо:

— Ваше высочество, я отошёл лишь на мгновение, а когда вернулся, увидел, что вы и Герцог Чжуньи... Герцог сделал это с вами, а вы не сопротивлялись, даже... Я не посмел вмешаться.

— Герцог Чжуньи осмелился поступить так со мной, я не оставлю этого безнаказанным... — гнев Синь Линьхуа, казалось, утих, но в глазах вновь вспыхнул огонь. Он сжал кулаки в рукавах. — Но сейчас, сейчас не время с ним расправляться. Когда же я взойду на...

Хотя он был уверен, что случившееся с Герцогом Чжуньи было подстроено, он не мог понять,

кем именно. Он не помнил, что случилось после потери сознания, и как Герцог, который должен был быть на пиру, оказался в его покоях и сотворил с ним это...

В его ушах вновь раздался голос чёрного охранника, почти лишённый эмоций:

— Прошу вас, успокойтесь, ваше высочество.

— Кстати, ты был рядом со мной тогда. Скажи мне... — В голове Синь Линьхуа мелькнуло лицо Гу Чжису, сына наложницы, с насмешливой улыбкой, а затем он почувствовал боль в шее, перед глазами потемнело. Очнувшись он уже в покоях принцев, и всё, что произошло между, осталось для него загадкой. Внезапно он обернулся, устремив тяжёлый взгляд на человека, стоявшего на коленях у его ног. — Гу Чжису — всего лишь сын наложницы, но он осмелился одурманить меня... Ты схватил его?

Чёрный охранник, не задумываясь, ответил:

— Ваше высочество, рядом с Гу Чжису находились сильные бойцы. Я был один и опасался за вашу безопасность, поэтому не мог гарантировать, что смогу захватить его живым. Но если бы я убил сына наложницы из клана Гу во дворце, это нанесло бы сильный удар по репутации клана Гу, и они не оставили бы это без внимания. Затем император непременно начал бы расследование, и если бы вас заподозрили...

Услышав о бойцах, лицо Синь Линьхуа изменилось. Он крепче сжал пальцы в рукавах и через мгновение спросил:

— Значит, Гу Чжису невредим?

— Да...

— У Гу Чжису есть личная охрана? Видимо, он не так прост, как я думал. Я недооценил этого сына наложницы!

Синь Линьхуа попытался разобраться в произошедшем, но сегодняшних событий было слишком много, и голова раскалывалась от боли. Вспомнив, как Гу Чжису осмелился одурманить его, что привело к такому исходу, он начал сомневаться и, понизив голос, пробормотал:

— Неужели это дело рук Герцога Чжунъи тоже как-то связано с ним? Но как он мог повлиять на Герцога... Нет, невозможно! Он всего лишь сын наложницы! Даже если у него есть пара бойцов, он осмелился довести меня до такого состояния. Я непременно найду способ убить его!

Не успел он договорить, как его тело качнулось. Чёрный охранник, увидев это, поспешил вперёд, осторожно поддерживая его. Когда коснулся его локтя, пальцы на миг замерли, а затем крепко ухватили руку.

Синь Линьхуа почувствовал, что перед глазами всё плывёт, дыхание стало горячим. Он позволил охраннику поддерживать себя, не пытаясь освободиться, и, понизив голос, приказал:

— Собери своих людей. Сегодня ночью я устрою засаду и...

Чёрный охранник, услышав, что он оборвал фразу на полуслове, взглянул на его лицо и заметил на нём тень боли. Когда Синь Линьхуа шёл, это было особенно заметно. Охранник оглянулся на его светлый халат и увидел небольшое пятно крови. Взгляд его потемнел, но он

ничего не сказал. Когда он помог Синь Линьхуа дойти до покоев принцев, его взгляд незаметно скользнул по курильнице, в которой жёгся аромат полыни, и он сжал рукав, на котором осталась немного пепла.

Синь Линьхуа сел на лежанку, перестав двигаться, чтобы не тревожить раны, и боль вскоре утихла. Он уже собирался продолжить разговор, когда услышал стук в дверь, а затем низкий хриплый мужской голос:

— Ваше высочество, снаружи служанка. Она говорит, что принесла этот предмет как знак и хочет встретиться с Великим князем Бао.

— Цветок бегонии? — Синь Линьхуа на мгновение замер, а затем его лицо изменилось. Несмотря на боль, он приказал:

— Впустите её!

В тот момент, когда он произнёс это, чёрный охранник слегка нахмурился, в его глазах мелькнул скрытый огонёк, но он быстро опустил голову и отступил в тень.

Синь Линьхуа ничего не заметил, ему было больно сидеть. Он с трудом выпрямился, делая вид, что всё в порядке, и когда потянулся за чашкой с чаем, резная дверь открылась, и внутрь вошла служанка в простом одеянии. Она почтительно поклонилась Синь Линьхуа:

— Приветствую ваше высочество, Великий князь Бао.

Затем она вынула из нагрудного кармана нефритовую подвеску в форме бегонии и тонкое письмо из рукава, протянув оба предмета:

— Я из клана Гу. Сегодня я принесла знак моей госпожи и личное письмо для вас, ваше высочество.

Синь Линьхуа явно видел подвеску, но сделал вид, что ничего не замечает. Он провёл пальцем по краю чашки и, опустив глаза, тихо спросил:

— Знак?

Служанка, увидев, что он делает вид, будто не замечает подвеску, улыбнулась, опустилась на колени и, протянув оба предмета приподнятыми руками, сказала нежным голосом:

— Ваше высочество, посмотрите. Эта подвеска — то, что моя госпожа носила с детства. Это ценный красный нефрит, а на обратной стороне выгравирован иероглиф «Гу».

Синь Линьхуа, всё ещё чувствуя дискомфорт из-за произошедшего, увидел в ситуации с Гу Хайтан возможность развеяться. К тому же, Гу Хайтан, казалось, наконец-то попросила его о помощи. Он почти мог догадаться, что в её письме она согласна быть с ним. Поэтому, когда служанка опустилась на колени, его лицо стало спокойнее, и на губах появилась улыбка:

— Ты, служанка, довольно догадлива.